

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ МОСКОВСКОГО ПЕРЕВОДА-РЕДАКЦИИ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА

Л. СУДАВИЧЕНЕ

Литовский Статут в московском переводе-редакции XVII столетия¹ представляет собой яркий и своеобразный памятник, язык которого в основе своей русский. Лексическая система этого памятника сложна и многообразна. В ней отразились особенности старобелорусского делового языка XVI в. (на котором написан Литовский Статут²) и характерные черты делового языка Москвы XVII в.³ (на который переведен ЛС).

Памятник представляет определенный интерес при исследовании лексики западноевропейского происхождения, так называемых латинизмов и германизмов, проникших в русский язык при посредстве польского языка, хотя немаловажную роль в этом играли и близкородственные языки — староукраинский и старобелорусский. Большая часть этой лексики, по данным словарей и Картотеки ДРС, получила распространение в русском языке лишь в петровскую эпоху, некоторые из рассматриваемых слов позже вошли в русский язык на правах интернациональной лексики, а отдельные заимствования, часто случайные, не удержались в лексической системе русского языка: их русские эквиваленты вполне передавали то или иное специальное понятие.

Довольно значительное место занимает в МПРЛС старобелорусская и польская терминология (термины, обозначающие общественные классы, группы и классовые взаимоотношения; наименование учреждений, должностных лиц и др.), часть которой позже вошла в словарный состав русского языка; другая часть — и достаточно большая — свидетельствует об эпизодическом индивидуальном употреблении ее в тексте перевода. Последнее обстоятельство позволяет высказать предположение о национальной принадлежности переводчика (может быть, одного из нескольких). Возможно, он был выходцем из Западной Руси (подобно Григорию Котошихину), хорошо знавшим свою социальную терминологию, которая, естественно, должна была отразиться в лексической системе переводимого произведения.

¹ В работе использовано издание: Лаппо И. И. Литовский Статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916 (далее: МПРЛС). Сохранилась и рукопись перевода, которая находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (отдел рукописей собрания ОИДР, шифр: ф 205, № 251). См. об этом: Судавичене Л. О московском переводе-редакции Литовского Статута. — „Kalbotyra“, 1963, т. VII.

² Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 г., т. II (текст). Каунас, 1938 (далее: ЛС).

³ Исследуемый памятник не датирован, а предположительно относится к XVII в. Развивая точку зрения П. Я. Черных о позднем происхождении МПРЛС, автор полагает, что перевод появился не раньше второй половины XVII в. См. об этом: Судавичене Л. Из истории некоторых слов в связи с вопросом о хронологии Литовского Статута в Московском переводе-редакции XVII в. — „Kalbotyra“, 1965, т. XI.

Настоящая статья посвящена анализу лексических пар (или рядов) слов, из которых одно, как правило, является заимствованием из латинского языка. Ввиду того, что заимствованные слова близки или тождественны по значению со своими русскими эквивалентами, нам кажется, правомерно их считать лексическими вариантами. Тем более, что „...классификацию лексических вариантов можно производить с разных точек зрения. Так, с точки зрения происхождения они различны, ср., например, грецизмы *олеи...* и ... *масло...*“⁴.

Особенностью лексики МПРЛС является наличие лексических вариантов типа: *инструкция* — *наказ*, *конституция* — *уложение*. Сохранение чужого слова и введение смыслового эквивалента из русского языка — у такого способа передачи лексических заимствований была своя традиция⁵, но наибольшее распространение он получил в XVII в.⁶

В МПРЛС нами обнаружено около 250 лексических рядов, причем слова, входящие в состав этих рядов, неодинаковы с точки зрения происхождения и встречаются в различных лексико-тематических группах, но особенно много их в социальной лексике. Сохранение слов ЛС и пояснение их смысловым эквивалентом имеет, на наш взгляд, определенное значение в двух отношениях: во-первых, это указывает на источник, использованный для перевода — им был старобелорусский текст ЛС⁷, и, во-вторых, пояснения интересны для характеристики отношений слов перевода к лексике ЛС. Последнее обстоятельство позволяет, как нам кажется, говорить о том, что русский язык Московской Руси, времени перевода ЛС, существенным образом отличался от языка, который был распространен на территории Великого Княжества Литовского⁸.

Как уже отмечалось, в статье рассматриваются лексические варианты, одно из слов которых по происхождению является латинским, но проникшим в русский язык через польский. Конечно, говорить об их „наплыве“ или „уза-

⁴ Жуковская Л. П. Лексические варианты в древних славянских рукописях — В кн.: Исследование по исторической лексикологии древнерусского языка. М., „Наука“, 1964, с. 6.

⁵ См.: Истрин В. М. Къ изданію так называемаго болгарского перевода Хроники Георгія Амартола. — ИОРЯС, 1910, т. XV, кн. 2.

⁶ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.

⁷ В связи с этим любопытно, что “в 1662 г., по личному желанию царя Алексея, в Польский приказ были „снесены сверху“ для перевода три „польские“ печатные книги, в их числе — Литовский Статут.” — Цитируем по кн. Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 37.

Едва ли в Москве не знали, что “оригиналом закона” было издание Льва Сапегі (старобелорусский текст). Правда, начиная с 1616 г. появляются многочисленные польские переводы, но они носят “частный характер”. — См.: Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 1—41. СПб., 1890—1907, т. 34, с. 814.

⁸ А. И. Соболевский, рецензируя книгу Ф. Карского “Обзор звуков и форм белорусской речи”, писал, что “Язык грамот и Литовского Статута никогда не был языком всего населения Западной Руси; это был язык высшего класса, который тотчас после политического соединения Литовско-русского государства с Польшей подвергся влиянию польской культуры; отсюда понятно довольно значительное количество польских слов, форм, оборотов, необходимое в этих памятниках... Примесь чуждых элементов делает западнорусский язык XIV—XVIII столетий во многом отличным от современного белорусского наречия; тем не менее тесная связь между ними не может подлежать ни малейшему сомнению” — ЖМНП, 1887, май, с. 137—138.

конении" в русском языке этого времени у нас еще нет достаточных оснований⁹. Но и эпизодическое их употребление в языке отдельных памятников подготавливало, по нашему мнению, почву для проникновения таких слов в лексическую систему русского языка. По выражению Ю. С. Сорокина, — „это своеобразная предыстория“¹⁰ заимствованных слов.

Следует заметить, что некоторые замечания по поводу отдельных слов, включенных в эту статью, опубликованы¹¹. Однако в процессе дальнейшей работы были обнаружены новые данные, требующие уточнения некоторых высказанных ранее замечаний автора.

Наличие нескольких смысловых эквивалентов, передающих одно и то же латинское слово, надо полагать, в какой-то степени объясняется приспособлением текста ЛС к московским порядкам и понятиям, что превращало работу переводчика в работу редактора: отсюда и название — „Литовский Статут в московском переводе-редакции“ (выделено нами — Л.С.).

С сохранением традиционных приемов изложения материала¹² в заголовках приводятся пары (или более) слов, первым из которых является латинское по происхождению или включающее в свой состав латинский корень слово¹³.

Арендованый — закладной. Слово арендованый (1)¹⁴, встретившееся в МПРЛС в сочетании *арендованое имѣнье*: „...гдѣ бы хто, имѣючи отъ кого имѣнье арендованое, то есть закладное, ...насилъство ...учиниль, ...“ (4, 51, 165)¹⁵, является родственным по отношению к латинскому по происхождению слову *аренда*: (польск. *arrenda* из ср.-лат. *arrenda*: *arrendare* — “выдерживать” и *redarre* — “отдавать”)¹⁶.

Слова *аренда*, *арендовать*, *арендатор* и др. русскому литературному языку первой половины XVII в. были чужды. Так, первые сведения о слове *аренда*, по данным Картотеки ДРС, находим в документе юго-западного происхождения: „...бьет челом гетман с войском, чтоб села, мельницы... *арендам* не подлежали...“¹⁷. В южнорусской письменности это слово отмечается в 30-х годах XVII в.: „О *аренѣду* села Тернокъ“¹⁸. Смирнов (с. 43) отмечает его как польское и приводит пример из рукописного собрания гр. Уварова: „Неминушіяся срокомъ *аренды*“ Засвидетельствовано слово *аренда* Далем (т. I, с. 21), отмечается словарями иностранных слов (Дубр.,

⁹ См.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.—Л., „Наука“, 1965, с. 43.

¹⁰ Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 60.

¹¹ См.: Судавичене Л. О судебной терминологии в Московском переводе-редакции Литовского Статута. — В кн.: Русская историческая лексикология. М., „Наука“, 1968; Ее же. К истории слова *школа*. — „Kalbotuga“, 1967, т. XVII и др. работы.

¹² См.: Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., „Наука“, 1966.

¹³ В статье более или менее подробно анализируется лишь первое слово, по поводу смыслового эквивалента высказываются только общие замечания.

¹⁴ В скобках указывается количество словоупотреблений.

¹⁵ Первая цифра обозначает статью, вторая — главу, третья — страницу МПРЛС.

¹⁶ См.: Фасмер М., т. I, с. 35; Преображенский А. Г., т. I, с. 8; A. Bruckner, с. 6.

¹⁷ СГГД, т. IV, 1665; с. 159.

¹⁸ Огиенко И. К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре I. — РФВ, 1911, т. 66, в. 2. Варшава, с. 361.

с. 54; Мих., т. I, с. 62). В МПРЛС встречается это слово без пояснений (4, 51, 165).

В Сл. 1847 г. (т. I, с. 12) находим причастие *арендованный* (от гл. *арендовать*). Имеется оно и в современном русском языке (Ушаков, т. I, с. 54).

Наличие этих слов в МПРЛС так же, как и в ЛС, по-видимому, следует объяснить влиянием польского языка, потому что „... слово *аренда* пришло к нам через остзейские провинции, бывшие некогда под владычеством Польши, а затем Швеции (польск. *aręda, aręnda*; шведск. *arrende*)“¹⁹.

Переводчик, введя слово *арендованный* в текст, сопроводил его русским смысловым эквивалентом *закладной*, что свидетельствует о стремлении пояснить непонятное слово и о возможностях русского языка выразить соответствующее понятие. Введенное переводчиком пояснение *закладное имѣнье* в основном передает значение, выражаемое сочетанием *арендованное имѣнье*. Их синонимичность проявляется в том, что оба предполагают выполнение каких-то обязательств: *арендованное имѣнье* < имение, взятое в аренду, т.е. за арендную плату, и *закладное имѣнье* – имение, взятое в заклад, т.е. под денежную ссуду.

Инструкция – наказ. Слово *инструкція* (1) в МПРЛС встретилось в значении „наставление, наказ“, напр.: „...чтобъ передъ всякимъ сеймомъ великимъ... всѣмъ съѣзжалися въ Слонимъ городъ, и тамъ отъ всѣхъ повѣтовъ всѣ *инструкціи*, *сиірѣчь*²⁰ *наказы*, свои снести... и всѣмъ... думать и совѣтовать и приговаривать, “ (3, 8, 83).

По происхождению слово *инструкція* латинское (лат. *instrūctio*), появившееся в русском языке при посредстве польского языка (польск. *instrukcja*)²¹. В памятниках письменности, по данным Картоотеки ДРС, появляется с 1656 г.: „...да тотъ же А. Волякса посланецъ подалъ *инструкцію*, за его Адамовою рукою, а въ той *инструкциѣ* написано, что ваше королевское величество вручилъ ему заставу, ...“²²; „...понеже они многократнымъ ихъ монастырскимъ грамотамъ и частьюмъ моимъ гетманскимъ листомъ, *инструкциѣ* польской не выдавъ, нынѣ не въ свои дѣла вступающа и раздоры вести хотять.“²³; „...и дать тѣмъ сожскимъ и пятидесятникамъ *инструкциѣ* съ великимъ подкрѣплениемъ, чтобъ они со своими десятскими смотрѣли неотложно, ...“²⁴.

Завидетельствовано слово Смирновым (с. 121), находим его в ЛВН: „*инструкція – устроение*“; в Генеральном Регламенте 1720 г.: „*инструк-*

¹⁹ Грот Я. К. Филологические разыскания (1852–1892 гг.). СПб., 1899, с. 464.

²⁰ В статье используется написание, принятое в рукописи перевода: *сиірѣчь*. Написание же *сиірѣчь*, использованное издателем, встретилось всего лишь два раза из 200 употреблений этого слова в тексте (Рукопись, л. 1 и 2). Написание с *си* вместо *си* (*си* – указательное местоимение ж.р. именит. пад. ед. ч.), очевидно, следует рассматривать как новообразование, возникшее под влиянием местоименной формы мужского и среднего рода (*сий*), вызванное тем, что форму перестали понимать. Любопытно, что подобное написание (правда раздельное) находим в рукописи 1685 г.: “Орбис Терарум: *сии* *речь* образец и чертеж всего света земля” (Ркп. ППб о IV, 158^а), что может также свидетельствовать в пользу позднего происхождения МПРЛС – см. сноску 3.

²¹ Фасмер М. т. I, с. 135.

²² ДАИ, т. VI, 1656, с. 455.

²³ ДАИ, т. XI, 1684, с. 165.

²⁴ Посошков И. Г. Книга о скудности и богатстве. М., 1951, с. 118.

ція – распоряжение“. Отмечается Фасмером (т. 2, с. 135) со ссылкой на Христиани и Смирнова. Христиани (с. 30)²⁵ связывает появление этого слова с 1704 г.

В южнорусской письменности слово *инструкція* отмечается с 1633 г.²⁶, поэтому можно думать, что и в русской письменности оно появилось раньше тех сведений, которыми располагали Христиани и Смирнов. Это подтверждается и приведенными выше примерами из Картотеки ДРС. В значении „правило“, „руководство“, „наставление“, „наказ“ отмечается оно в словарях иностранных слов (Дубр., с. 196; Мих., с. 47), находим его и у Даля (т. II, с. 46). Сохранилось оно и в современном русском языке (ССРЛЯ, т. 5, с. 379).

Слово *наказъ*, использованное переводчиком в качестве пояснения, вполне передает значение, выражаемое термином *инструкція*.

Квит – явка. Слово *квитъ* в МПРЛС встречается два раза: „А квитовъ, сирѣчь явокъ, отъ гетмана... ратнымъ людямъ имать не надобеть...“ (2, 16, 68). Относительно источника заимствования этого слова в науке нет единого мнения. Фасмер (т. II, с. 219) предполагает, что оно проникло в русский язык через польский, в котором *kwit* обозначает „расписка“ и восходит к ср.-нж.-нем. *quit* от ст.-франц. *quite*, лат. *quiētus* – „спокойный“. В ССРЛЯ (т. 5, с. 917) слово *квит* отмечается как „устарелое“ и возводится к французскому *quitté* – „ничего не должный“. Преображенский (т. I, с. 304) первоисточником считает латинский язык: *quietus* – „спокойный“, т.е. тот, кого оставили в покое, с кем расквитались. В значении „расписка“ слово *квит* известно в чешском языке²⁷. Появление этого слова в русском языке Фасмер (там же), ссылаясь на Смирнова (с. 140), связывает с петровским временем. В Картотеке ДРС слово *квит* датируется 1570 г., но встречается оно в Памятниках дипл. сношений Моск. государства с Польско-Литовским: „... писали есте о Литвинѣ о Борискѣ, что у него взялъ приставъ Федоръ Нагой кабалу *квитъ* на пять рублевъ, что былъ ему виненъ Иванъ Зубатой, и мѣлъ бы то взыскавши отдати“²⁸.

В южнорусской письменности слово *квитъ* отмечается в 1643 г.²⁹

Учитывая все это, можно предположить, что в русском языке слово *квит* появилось раньше петровского времени, но широкого распространения оно не получило. В словарях иностранных слов это слово отмечается как французское (у Мих, франц. от лат.) и дается значение „уничтожение долга“, „расплата“ (Дубр., с. 226; Мих., с. 252). У Даля (т. II, с. 104) находим в отмеченном нами значении только слово *квитанція* и *квитокъ*.

Слово *явка* (22), введенное переводчиком как пояснение к слову *квитъ*, в исследуемый период обладало многозначностью. В МПРЛС оно представлено во всех значениях, кроме значения „пошлина“. В значении „заявление, свидетельское показание“ отмечается слово *явка* (*yalka*) в Словаре Ричарда

²⁵ Christiani W. A. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906 (далее: Христиани).

²⁶ Огиенко И. Указ. соч., с. 363.

²⁷ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, с. 252.

²⁸ Памятники дипл. сношений Моск. государства с Польско-Литовским, т. 3. – В сб.: РИБ, т. 71. М., – СПб., 1892, с. 759.

²⁹ Огиенко И. Указ. соч., с. 363.

Джемса³⁰. Возможно, что это значение и было использовано переводчиком, так как приведенный пример не дает возможности точно установить значение слова, тем более, что в остальных случаях оно соответствует слову ЛС *оповеданье* (совр. бел. *апаваданне*) – „рассказ“, „свидетельство“

Конституция – уложение. Слово *конституция* (лат. *constitutio* – „устройство, установление“) встретилось в МПРЛС только один раз: „...и о томъ особно въ *констытуциі*, сирѣчь въ сеймовомъ *уложенье*, описано будетъ“ (3, 29, 97). Фасмер (т. II, с. 313), ссылаясь на Христиани и Смирнова, связывает появление этого слова в значении „устройство“ с петровским временем (1704 г.). Однако памятники письменности, правда, несколько специфические, дают более ранние показания относительно этого слова. Так, по данным Картотеки ДРС, это слово встречается в „Актах о сношениях со Швецией“: „...соймомъ о томъ подтвержено и въ *констытуцію* напечатано, “³¹; в „Гр. виленского воеводы кн. М. Шаховского 1658 г.“: „Да они жъ... били челомъ... чтобъ пожаловали ихъ урядниковъ, на которые дѣла... *конституцій* соймовыхъ у нихъ нетъ“³²; „...и всѣхъ тѣхъ... обвиненыхъ людей... на соймъ позвать и на соймъ противъ *констытуции*... отсюда, казнити“³³.

На основании приведенных примеров можно высказать предположение, что уже в начале 60-х годов XVII в. слово *конституция* было известно в памятниках приказного языка, но, как правило, данной лексемой пользовались в документах, обращенных в Польско-Литовское государство. Введенное переводчиком пояснение *уложение* очень удачно. Оно свидетельствует о том, что переводчик понимал значение этого слова и стремился сделать его понятным для русского читателя. Правда, знакомство последнего с этим словом могло быть и раньше, если учесть влияние южнорусской письменности, где это слово отмечается уже в памятниках 1633 г.: „Успокояучй листь, стверженный *конституцією*“³⁴. Большее распространение получает это слово в петровскую эпоху. В ЛВН оно представляется так: „*конституція* – учреждение, установление“ (Смирнов, с. 371). В значении „собрание законов“, „государственный акт, которым монарх добровольно ограничивал свою власть“ отмечается в словарях иностранных слов (Дубр., с. 245; Мих., с. 273) и у Толля (т. II, с. 537).

Термин *уложение* (114), использованный переводчиком в качестве пояснения к слову *конституция*, семантически емок: в ЛС ему соответствуют семь слов, как, напр.: *статутъ, устава, конституція, артыкулъ, наука, право, привилей*. В значении „постановление, устав“ этот термин, начиная с 30-х годов XVII в., широко представлен памятниками письменности. Про-

³⁰ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Изд. ЛГУ, 1959, с. 134. Нам кажется, что в таком значении – „заявление“, „свидетельское показание“, а не в значении „пошлина“, „регистрация сделки“, используется слово и в языке частных писем XVII в.: „и воровство за ними никакова не слышат и извѣтов и *явок* ко мнѣ ни от ково на них не бывало“; „да на нас же давала *явки* на меня и на тебя“ и др. примеры. См. статью: Михайловская Н. Г. Синонимия как выражение лексико-семантической вариантности. – В кн.: Древнерусский язык. М., „Наука“, 1975, с. 27.

³¹ ДАИ, т. VI, 1653, с. 430.

³² СГГД, т. IV, 1658, с. 32.

³³ АИ, т. IV, 1665, с. 351.

³⁴ Огиенко И. Указ. соч., с. 363.

должает употребляться он и в начале XVIII в.³⁵ Так, у Посошкова находим „правосудное уложение“³⁶. Имеется он у Поликарпова.

Конфедерация – приговор. Слово *конфедерация* (5) по происхождению латинское (лат. *confœderatio*, польск. *konfederacja*), обозначает оно „союз, объединение какой-либо организации; союз государств, объединенных для осуществления какой-либо цели“; „В феодальной Польше – временный союз в целях реализации важных политических мероприятий“ (ССРЛЯ, т. 5, с. 1349; БСЭ, т. 22, с. 486). В ЛС это слово встречается в значении „решение, постановление“³⁷. Переводчик, введя слово *конфедерация* в МПРЛС, сопроводил его пояснением *приговоръ*: „Для того и *конфедерация*“³⁸, *сиръчь союзный приговоръ*, во время межкоролевствъ... учиненъ и установленъ и въ сей статуть... введень, – чтобы тое *конфедерации*³⁸, *сиръчь приговору*, какъ мы, государь, такъ бы и всѣ жильцы тѣхъ государствъ держали“ (3, 3, 76).

Слово это в значении „заговор“, по данным Фасмера, впервые отмечается в произведении Григория Котошихина (с. 130). В значении „соединение“ имеется оно в ЛВН; в значении „союз“ зарегистрировано Смирновым (с. 158). В Картоотеке ДРС самый ранний пример употребления этого слова относится к 1703 г. (Ведомости Петра Великого). Имеется оно у Даля (т. 2, с. 154) в значении „тесный союз государей и государств“ и приводится пример: „Польскіе *конфедерации* и были заговоры, возмущения“ В значении „соединение“, „областной, сословный, государственный союз“, „в старой Польше – восстание шляхты против распоряжений короля или сейма“ отмечается в словарях иностранных слов (Дубр., с. 247; Мих., с. 276), находим его и у Яновского (Нов. словот. 1804 г.).

Слово *приговоръ* (63), обладающее очень емким обобщенным значением, правильно использовано переводчиком в качестве пояснения к непонятному и нераспространенному в Московской Руси термину *конфедерация*. В значении „решение, постановление“, т.е. в таком значении, в каком употребляется слово *конфедерация* в ЛС, слово *приговоръ* известно русскому языку с XV в. (Кочин, с. 277). В памятниках XVI в. оно могло выступать и в значении „заговор, заклинание“ (Срезн., т. II, с. 1392).

Маестат – престол. Слово *маестатъ* в нашем памятнике встретилось два раза: „Розгневанье *маестату*, *сиръчь престола*, нашего... въ чемъ имянуется и чимъ за тое карать, ...“ (1, 3, 34, загл.) По происхождению слово латинское (лат. *majestās, majestātis* – „величество“, „трон“, „престол“)³⁹. Известно в старопольском языке (пол. *majestat, majestacja*)⁴⁰. В „Материалах...“ Срезневского и Кочина данное слово не зарегистрировано. В памятниках письменности, по сведениям В. М. Тамань⁴¹, отмечается с XVI в. Так, в ГГД,

³⁵ См.: Unbegaun В. О. Russe et slavon dans la terminologie juridique. – Revue des études slaves, 1957, t. 34, fasc. 1–4. Paris.

³⁶ Посошков И. Г. Указ. соч., с. 85.

³⁷ Ср. у Толля (т. II, с. 540): „Конфедерацин: первоначально так назывались в Польше народные постановления, кои ограждали народные права от верховной власти короля;...“

³⁸ Написание дано по рукописи МПРЛС (л. 70). См. сноску 1.

³⁹ См.: Słownik wyrazów obcych. Wyd. 3. Warszawa, PJW, 1958, с. 410.

⁴⁰ Karl., ..., т. II, с. 849.

⁴¹ Тамань В. М. Полонизмы в языке русских памятников. – Очерки по истории языка. – „Уч. зап. ЛГУ. Серия филолог. наук.“, 1960, вып. 52, № 267, с. 116–117.

1514 г.: „И ныне нашему кесарскому *маестату*... подобает начати войну с Жигимонтом“; в Пам. дипл. сношений Моск. государства с Польско-Литовским, 1561 г.; в Посланиях Ивана Грозного: „Послы наши передъ *маистат* твоей позвани, ...“. В XVII в. это слово отмечается в переводах с латинского и польского языков. Так, например, имеется оно в Космографии 1637 г.: „...написана кнѣга латынскимъ(ъ) языкомъ(ъ) имянуема... *маестатисъ(ъ)* сирѣчь(ь) отъ(ъ) *прѣтла* королевского“⁴². Употребляет его Котошихин: „...и садитца царь съ царицею за своимъ столомъ на *маестатехъ*...“⁴³. Со ссылкой на Котошихина слово *маестатъ* в значении „царское седалище, престол“ отмечает Толль (т. II, с. 763). В петровскую эпоху употребление этого слова было шире, но сфера его распространения была все же ограничена памятниками делового языка (Архив кн. Куракина, Письма Петра I). В значении „величество“ засвидетельствовано оно Смирновым (с. 185): „Что значить оная славная Царей тѣла величество, или якоже... съ латинска нарицають *маестетъ*“ (Правда воли монарш., 21). Академик В. В. Виноградов приводит это слово как „латинизм в польской переработке“⁴⁴.

В южнорусской письменности слово *маестатъ* отмечается в памятниках 1645 г.: „Хочь *Маестаты*, хочь Панства все предъ него створено“⁴⁵.

Слово *престоль* (3), введенное переводчиком, совершенно правильно передает значение слова *маестатъ*.

Лыбопытно, что в первой части Соборного Уложения 1649 г., касающейся государственного права (главы 2–4 передельвают раздел 1 статьи „Обращенье маестату“⁴⁶), встречается слово *величество*, а не *престоль*⁴⁷. Напр.: „...что онъ на царское величество злое дѣло мыслил...“ (гл. 2, ст. 1); „А будетъ кто царского величества недругу городъ здасть измѣною...“ (гл. 2, ст. 3) и др. Следовательно, составителями Уложения слово *маестатъ* воспринималось как „символ власти“, что и передавалось словом *величество*.

Мандат – грамота – лист. Слово *мандатъ* по происхождению латинизм (лат. *mandatum* – „полномочие, наказ, поручение“). В Картотеке ДРС имеется всего два примера с этим словом: один из них относится к 1567 г., другой – к петровскому времени. Напр.: „И тые послы... будучи съ паны радами нашими на обмовѣ, ... ихъ милости листу *мандату* тое мощи о которой перво маючие въ себѣ повѣдали, потомъ не отказали на постановенье и скончанье тыхъ дѣлъ, што межи нами... кровопролитье размножаетъ, и которого оногo листу въ себе, ... не повѣдили...“⁴⁸; „Полковникъ... просить, чтобы учинить жалованье по его царскому величеству *мандату*“⁴⁹.

В МПРЛС это слово встретилось 13 раз (8 раз без пояснений) и выступает

⁴² Глускина С. Космография Богдана Лыкова 1637 г. Канд. дис. [рукопись]. Л., 1949, с. 159.

⁴³ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 2-е. СПб., 1859, с. 10.

⁴⁴ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. М., 1938, с. 33.

⁴⁵ Огиенко И. Указ. соч., с. 365.

⁴⁶ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886, с. 186.

⁴⁷ Это, как нам кажется, лишний раз подтверждает мысль, что создание МПРЛС и подготовка Соборного Уложения хронологически не совпадали.

⁴⁸ Памятники дипл. сношений Моск. государства с Польско-Литовским, т. 3. – В сб.: РИБ, т. 71. М. – СПб., 1892, с. 557.

⁴⁹ Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. 3. (1704–1705 гг.). СПб., 1893, с. 9.

в том же значении и фонетическом оформлении, в каком оно было усвоено польским языком — „призыв к суду в королевских судах“ (Karł.,..., т. III, с. 39; Linde, т. 4, с. 442): „...и въ такихъ винахъ давать наши *мандаты*, сирѣчь *завывные грамоты*, и велѣть стать передъ нами, на сойме...“ (1, 14, 44); „...а мы по такова укажемъ дать *мандатъ*, то есть *листъ завывный*;...“ (4, 62, 175). В источниках русского языка слово *мандатъ* могло обозначать „приказ“ (Смирнов, с. 186); „приказание, правительственное повеление, указ“ (Дубр., с. 295; Мих., с. 320); „полномочие, папский указ“ (Толль, т. II, с. 785). В современном русском языке это слово известно в двух значениях: а) „документ, удостоверяющий какие-либо права и полномочия“ и б) в юриспруденции — „поручения, полномочия“ (ССРЛЯ, т. 6, с. 590).

Введенное переводчиком пояснение правильно передает значение слова *мандатъ*. Слово *грамота* (64) в значении „документ“ семантически емко⁵⁰. Оно соответствует пяти словам ЛС: *привилей*, *позовъ*, *листъ*, *мандатъ*, *тестаментъ*. Однако терминологичность этого слова проявляется лишь в составе определенных сочетаний. Так, термин *завывная грамота* использован переводчиком для передачи слова *мандатъ*. Как юридический термин, обозначающий „приглашение в суд“, он используется в актах 1294—1598 гг. (Кочин, с. 74). Правда, для приглашения в суд в русском праве известны в основном два термина: *завывные грамоты* — „вызов в суд“ и *срочные грамоты*, последние устанавливали сроки явки в суд. В юридических документах Великого Новгорода и Пскова бытовали и такие термины, как *позов*, *отсылка*, *позовка*, *позовница* (позывница), которые не имели общерусского распространения⁵¹.

Исследуемый материал дает основание полагать, что слова *грамота* и *листъ* воспринимались переводчиком как синонимы⁵², и поэтому он использовал их для передачи почти нераспространенного в русском языке того времени термина *мандатъ*.

Слово *листъ* (109) богато представлено в МПРЛС. Как правило, листами назывались в Польско-Литовском государстве грамоты. В памятниках письменности, адресованных в это государство слово *листъ* встречается с XVI в. (Срезн., т. II, с. 23—24). Пользуется этим словом Иван Грозный. В переводах с польского языка на месте слова *list* встречаем слово *грамота*. Напр.:

Takowy list cesarz ręką swoją
własną zwykł pisać;...

Такому *грамоту* салтанъ своюю
рукою извыклъ писати, ...⁵³

⁵⁰ См.: Судавичене Л. К вопросу о словах, являющихся наименованиями документов в МПРЛС. — „Калботура“, 1964, т. X, с. 211—217; Львов А. С. К истории слова *грамота* в древнерусской письменности. — В сб.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., „Наука“, 1966.

⁵¹ См.: Черепнин Л. В. Акты конца XIV—XV вв. Их разновидности и значение в качестве исторического источника. — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 649; Брицын М. А. Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1965, с. 53—54.

⁵² А это, в свою очередь, позволяет предполагать, что переводчик кроме русского языка знал белорусский (по-видимому, и польский), что скорее всего он был белорус, живущий в Москве.

⁵³ Похождение в землю святую князя Радзивила Сиротки 1582—1584 гг. — „Изв. РГО“, 1879, т. XV (приложение). СПб., с. 160. Пример взят из указ раб. А. С. Львова, с. 103.

Ср. в ЛС (слева) и МПРЛС (справа):

...кто бы *листы* наши... *Грамоты за вислоу печатью* хто
отворные въ жалобе своей до въ какомъ дѣле привезеть... (4, 23,
кого принесъ, ... (4, 23, 87) 49)

В словаре Даля (т. II, с. 254) слово *листъ* сопровождается пометой „юго-западное“. Следовательно, это слово в значении „грамота“, „акт“ было возможно в русском языке исследуемого периода, но предпочтение отдавалось все же слову *грамота*. (Ср. в совр. русск. яз. *верительные грамоты*, но *исполнительный лист*.)

Парсуна — лицо. Слово *парсуна* (1) в МПРЛС употребляется в значении „лицо“: „...если бы шляхтичъ шляхтича на дороге розбилъ и ограбилъ, а тотъ бы его въ *парсуну*, сирѣчь въ *лицо*, позналъ...“ (11, 27, 321).

Парсуна (лат. *persōna*) засвидетельствовано Срезневским (т. II, с. 882) в Жалованной грамоте 1388 г., памятнике явно западнорусском. Позднее встречается это слово и в других источниках, но в иной фонетической огласовке: *персона*, *парсон*. Ср.: „государь наш своею *персоною* болѣн...“⁵⁴; „...послу нашему... девицу показала, и *парсон* ее велела написати...“⁵⁵. Оба примера относятся ко второй половине XVI в. У Фасмера (т. III, с. 244) находим более поздние сведения: *персона* „личность“ известно с 1633 г. (ссылка на Огиенко); *парсуна* „портрет“ — с 1617 г. (ссылка на Христиани). В Картоотеке ДРС имеется всего лишь один пример с этим словом из Челобитной Станислава Лапуцкого: „По твоему Великому Государя указу писалъ я холопъ твой твою государеву *парсуну*...“⁵⁶.

В петровскую эпоху это слово получает большее распространение, имеется оно в „Ведомостях“: „...шляхта у него обѣдали, и имъ *персону* королевскую показали, и того ради много людей собралися, что имянованной посолъ *персону* при окнѣ на стѣнѣ выставилъ...“⁵⁷. Засвидетельствовано оно Смирновым (с. 224), Вейсманом (с. 342), находим у Даля (т. III, с. 102). В значении „личность“ сохранилось слово *персона* в современном русском языке (ССРЛЯ, т. 9, с. 1051).

Значение же, отмеченное нами, в памятниках русского языка не получило распространения, не зафиксировано оно и словарями русского языка. Ср. в украинском языке: *персона* — „лицо“, „физиономия“ (Гринченко, т. 1, с. 101).

Привилей — грамота — лист — крепость. Слово *привилей* в МПРЛС встретилось 8 раз: в двух случаях переводчик сохраняет его в тексте без пояснения, причем в одном случае вводит его от себя. Напр.: „...и мы, государь, велимъ тому дать нашъ *привилей*, сирѣчь *грамоту*...“ (2, 5, 62); „А сверхъ того подтверждаемъ *привилья*, сирѣчь *тарханные* и *жаловальные грамоты*, прародителей нашихъ...“ (3, 2, 75); „Мы, государь, ... утвердили и *привильемъ*, сирѣчь *листомъ* нашимъ, закрѣпили, “ (3,

⁵⁴ Статейный список И. М. Воронцова (Швеция, 1567 г.). Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, с. 13.

⁵⁵ Статейный список Ф. Д. Писемского (Англия, 1582 г.). Путешествия русских послов... с. 150.

⁵⁶ Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи. — „Врем. ОИДР“, 1850, кн. 7 (1551—1671 гг.). М., с. 49.

⁵⁷ Ведомости времени Петра Великого, вып. I (1703—1707 гг.). М., 1903, с. 97.

3, 76); „Такоже приказуемъ, что всѣ *привилія*, сирѣчь *крѣпости*, не нарушать, ... (3, 15, 87).

Это слово отмечается Срезневским (т. II, с. 1893) в Жал. гр. 1388 г.; Кочиным (с. 276) со ссылкой на Сборник Муханова. В XVI в. встречается в произведениях Курбского⁵⁸; в XVII в. использует его Котошихин⁵⁹. Со ссылкой на Котошихина отмечает слово *привилія* Христиани (с. 24). Однако данные языка Курбского не могут учитываться как типичные для эпохи, так как язык Курбского обилел полонизмами, а Котошихин пользовался этим термином по отношению к Украине.

Наличие этого слова в МПРЛС, очевидно, следует рассматривать как влияние текста ЛС, где, в свою очередь, оно является полонизмом (польск. *przywilej* из лат. *privilegium*: *privus* – „преимущество“ и *lex* – „право“). В польском языке слово *przywilej* могло обозначать „право“ (*legem privatam*) и „документ, признающий это право“ (Karł., ..., т. V, с. 401).

Лексические варианты, использованные переводчиком, имеют то отличие от польского *przywilej*, что обозначают только документ, удостоверяющий „право“, а не само „право“. Но так как в практике Московского государства всякое право оговаривалось специальной грамотой, то такая грамота обозначала и само право⁶⁰.

Введя слово *привилей* в текст, переводчик поясняет его распространенными в Московской Руси терминами: тарханная грамота, жаловальная грамота, даточная грамота, крѣпость⁶¹ и юго-западное листъ. Все перечисленные термины обозначали документ о льготе, возможно, что какой-нибудь из них имел более или менее ограниченный характер, но для переводчика Статута это было уже несущественно. Важно, что он правильно передал содержание слова *привилей*, а пояснение его распространенными в Русском государстве социальными терминами свидетельствует о том, что слово *привилей* не было общепонятным, и что для обозначения документа, предоставляющего определенные льготы, русский язык изучаемого периода имел необходимую терминологию.

Позднее, в Петровскую эпоху, западнорусский термин *привилей* мог обозначать уже самой льготу, преимущество (Смирнов, с. 240), но широкого распространения это слово не получило.

В современном русском языке в этом значении употребляется слово *привилегия*, которое может обозначать и „документ, удостоверяющий и охраняющий монопольное право на изобретение“ (ССРЛЯ, т. 11, с. 377). Восходит оно к тому же латинскому корню, что и *привилей*, но это позднее заимствование с Запада – из стар. нем. *Privilegie*, *Privilegi* (Фасмер, т. III, с. 363). Отмечается и словарями XVIII в.

Следовательно, слово *привилей* имело временное распространение в русском языке. По выражению Преображенского (т. II, с. 125), который отмечает

⁵⁸ Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., Изд. Арх. ком., 1913, с. 67.

⁵⁹ Котошихин Г. Указ. соч., с. 92.

⁶⁰ См.: Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка. М., 1961, с. 45.

⁶¹ Любопытно, что в „Материалах“ Срезневского (т. I, с. 1352) слово *крѣпость* отмечается в значении „право“ (?). Возможно, что именно это значение было использовано переводчиком.

это слово в бумагах Петра I, в русском языке оно „не привилось“. Зато широко употреблен был этот термин в западнорусской и южнорусской письменности. В словаре Носовича (с. 497) имеются две формы этого слова: *привилей* — „право вообще, основанное на письменном документе“, и *привилей* — „право, основанное на словесном дозволении“; у Огиенко: *привилей*⁶².

Прокуратор — стряпчий — речник. Слово *прокураторъ* (или вследствие межслоговой диссимиляции *прокулаторъ*) встретилось в МПРЛС 44 раза в разных формах⁶³. Встретив этот термин впервые, переводчик ввел его в текст и сопроводил соответствующим пояснением: „... въ ту избу входить имѣють, самъ съ *прокураторомъ*, сирѣчь съ *стряпчимъ*...“ (4, 53, 167); „О *прокураторахъ* сирѣчь о *стряпчихъ* или о *рѣчникахъ*, — какіе люди имѣють быть и гдѣ имъ *прокураторми* не быть“ (4, 58, 172, загл.). В остальных случаях этот термин вводится без всякого пояснения и даже сам выступает в качестве соответствия (перевода) к словам ЛС *умоцованый* и *речникъ*.

Термин *procurator* (от *procurо* „забочусь“, „управляю“) в средневековом латинском языке мог обозначать различные должности: у римлян прокураторами назывались лица, управляющие домом у богатого властелина, поверенные в судах, чиновники, уполномоченные императора в провинциях, наместники в небольших провинциях, которым принадлежала высшая административная и судебная власть, должностные лица, ведавшие финансами, продовольствием, зрелищем и т.п. В Польше прокураторами были правительственные лица, находящиеся в подчинении других, более высших лиц. Известно из истории Польши, что после смерти Лешека Черного (1288 г.) Серадзским княжеством владели прокураторы⁶⁴. По мнению Горбачевского, прокуратор то же, что и адвокат, защищающий чье-либо дело в суде. „В главном Литовском трибунале прокураторы избирались на депутатской элекции, но они не имели права судить. В отсутствие своего принципала прокуратор мог являться в судах и принимать участие во всем, что относилось к самому принципалу: мог вызывать противную сторону словесным позвом, отстранять судью и употреблять все, что служило защите своего принципала, но не мог делать новых записей и давать квитанций на прежние, не мог уничтожить денежных сделок“⁶⁵.

О том, что функции прокуратора у римлян были довольно обширными, свидетельствует русский перевод Космографии 1637 г., где переводчик, следуя оригиналу, стремится разъяснить непонятное русскому читателю слово. „Меж всеми седми чинами и достоенствы по королю первой человек прокуратор, то есть правитель всей земли; он владеет и ведает и строит к чести и славе королевской, а во время старости королевской правит, от сопостат заступает и обороняет; а естли кто того государства ему противился аки самому королю противится и за изменника почтен бывает“⁶⁶.

⁶² Огиенко И. Указ. соч., с. 366.

⁶³ См. об этом: Судавичене Л. В. О судебной терминологии..., с. 65 и др.

⁶⁴ См.: Горбачевский Н. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вилья, 1874, с. 285 (далее: Горбачевский); *Słownik wyrazów obcych*. Wyd. 3. Warszawa, 1958, с. 541—542; ССРЛЯ, т. XI, с. 1169; БСЭ, т. XXV, 1954, с. 64; БСЭ, XXXV, т. 1955, с. 20.

⁶⁵ Горбачевский Н., с. 285.

⁶⁶ Глускина С. М. Общественная терминология в Космографии 1637 г. — „Уч. зап. Псковского пед. института“, 1954, вып. 1, с. 199.

В ЛС, а следовательно, и в МПРЛС, функции прокуратора были менее значительны. Термин *прокураторъ* выступает в исследуемом памятнике в значении, близком к современному слову *защитник*, ср.: „...гдѣ бы кто, не могучи и не умѣючи самъ на судъ говорить, а для убожества и недостатку своего *прокуратора* самъ себѣ залѣсти или нанять не могъ... тогда урядъ имѣетъ такому *прокуратора* даромъ придавать и велѣть за нихъ на судъ говорить“ (4, 57, 171—172).

Слово *прокураторъ* известно в памятниках письменности с XV в.: в значении „попечитель“ отмечается оно Срезневским (т. II, с. 1539); в значении „приставник“ встречается в Азбуковнике XVI—XVII вв.⁶⁷; в смысле „оберегатель“ находим его в ЛВН (Смирнов, с. 245). Начиная со времени Петра I, термин этот получает широкое распространение в русском языке. Фасмер (т. III, с. 374) считает его латинизмом, проникшим в русский язык через польск. *prokurator* или нем. *Prokurator*. Однако при этом следует учитывать и роль старобелорусского и староукраинского языков, в которых термин *прокуратор* был широко известен уже в XVI в.⁶⁸ и которые оказали сильное и непосредственное влияние на образование иностранных слов в русском языке⁶⁹. В картотеке ДРС этот термин представлен примерами начала XVIII в.

Учитывая вышесказанное, можно полагать, что МПРЛС, в котором слово *прокуратор* встречается довольно часто (44 раза), появился не намного раньше эпохи Петра I. Тем более, что в первой половине XVII в. слово это не считалось еще общепонятным. Так, в Космографии 1637 г. оно встречается только с пояснением. Правда, слово *прокуратор* находим в сочинениях Ивана Грозного, но Грозный пользуется им обычно по отношению к Великому Княжеству Литовскому. Напр.: „И как ты, брат наш (Сигизмунд Август II — Л.С.), писал в своем листу, ино так делают *прокураторы*, а великим государем не подобает того уделывати...“⁷⁰. Поэтому вряд ли данные Грозного могут учитываться как типичные для эпохи. Большая же распространенность этого слова в тексте МПРЛС отклоняет мысль и о возможности индивидуального эпизодического употребления его переводчиком.

Толль (т. I, с. 412) отмечает это слово в двух значениях: „защитник от короны обвиняемого в польских судах“ и „поверенный в делах, уполномоченный“ (т. III, с. 218). В смысле „надзиратель“, „попечитель“, „смотритель за чем-н.“, „стряпчий“ зафиксировано в словарях иностранных слов (Дубр., с. 398, Мих., с. 433). Как историзм отмечается лексема *прокуратор* в словарях современного русского языка (ССРЛЯ, т. 11, с. 1169).

⁶⁷ Азбуковник и сказание о неудоб познаваемых речах, их же древнии переводницы не удоволишася предложить на русский язык. (По изд.: Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым, т. II, кн. 5. СПб., 1849, с. 180.)

⁶⁸ Вишенский И. Сочинения. Подготовка текста И. П. Еремина. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, с. 348; Житецкий П. Словарь книжной малорусской речи по рук. XVII в. Киев, 1888, с. 73.

⁶⁹ См.: Огиенко И. Указ. соч., с. 354—355; Hüttl-Worth G. Foreign words in Russian. A. Historical Sketch, 1550—1800. Los Angeles, 1963, с. 15, 100.

⁷⁰ Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, с. 242—243; см. также с. 247, 250, 259.

Слово *стряпчий* (5), выступающее в качестве лексического варианта, как юридический термин проявляет себя уже в Судебнике 1497 г.⁷¹ Оно совершенно правильно передает семантику слова *прокураторъ*.

Термин же *рѣчникъ*, использованный переводчиком I раз как пояснение, является, по-видимому, белорусизмом или украинизмом польского происхождения (ср. польск. *rzecznik* — „адвокат“, сопровождаемое в словарях пометой „ироническое“)⁷². Термин этот имел довольно широкое распространение в южнорусской и западнорусской письменности⁷³. Засвидетельствован в словаре Гринченко (т. 4, с. 13). В значении „оратор“ отмечает его Срезневский (т. III, с. 226), но приводит всего лишь один пример из Минеи чети, может быть, западнорусского памятника. Из словарей общерусского языка отмечается только в „Лексиконе“ Поликарпова (с. 629): „*рѣчникъ* — сильный и острый в глаголении“ Наличие этого слова в МПРЛС еще раз подтверждает мысль, что в родном языке переводчика оно имело распространение.

Ревизорский — дозорщик. Прилагательное *ревизорский* образовано от слова *ревизор*, пришедшего в русский язык, по мнению Фасмера (т. III, с. 455), через польский (польск. *rewizor*) или немецкий (*Revizor* из латинского *revisor* — „тот, кто проверяет, подсчитывает“). В МПРЛС встречается I раз: „Такжеде мощно доходить всякому... по грамотамъ... и списками *ревизорскими*, то есть *дозорщиковыми*, “ (4, 82, 191). Введенное пояснение, очевидно, свидетельствует о неизвестности слова *ревизорский* в русском языке XVII в. Действительно, слово *ревизор* и его производные вошли в русский язык, по данным Смирнова (с. 254), только в петровскую эпоху. В Картоотеке ДРС первый пример появления этого слова относится к 1716 г. в Письмах и бумагах Петра Великого (т. I, с. 397). В словарях русского языка слово *ревизор* отмечается с начала XIX в. (Яновский. Нов. словотолк. 1806 г.; Сл. 1847 г.). Имеется оно в словарях иностранных слов (Дубр., с. 410; Мих., с. 445).

Слово же *ревизорский* в просмотренных нами словарях не обнаружено. Возможно, что МПРЛС дает первый пример употребления этого слова.

Прилагательное *дозорщиковъ* (I) семантически соотносится со словом *ревизорский*. Образовано оно, надо полагать, от слова *дозорщикъ* — „военнослужащий, выполняющий обязанности надзирателя, смотрителя за кем-либо, чем-либо“ или „дозиратель“, „досмотрщик“ (Даль, т. I, с. 454). Наиболее ранний пример употребления слова *дозорщикъ* в этом значении относится к XVI в.⁷⁴ Очевидно, не раньше этого времени появилось и прилагательное *дозорщиковъ*. Находим его у Даля (т. I, с. 454). В современном русском языке данное слово, как и его производные, является „устарелым“ (ССРЛЯ, т. 3, с. 899).

⁷¹ Судебники XV—XVI вв. Под общей ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 29.

⁷² См.: *Słownik rosyjsko-polski*. Pod red. J. H. Dworeckiego. Warszawa, 1958, с. 13.

⁷³ См.: Брицын М. А. Из истории восточнославянской лексики. Киев, „Наукова думка“, 1965, с. 49.

⁷⁴ Сорокалетов Ф. П. История военной лексики в русском языке. Л., „Наука“ (Ленинградское отделение), 1970, с. 218. В значении „княжеский посылной для расследования на месте разных дел и доклада о них высшей инстанции“ отмечается в текстах конца XV в. — См.: Брицын М. А. Указ. соч., с. 46—47.

Тестамент – духовная. Лексема *testament* (от лат. *testāmentum*) в значении акта, заверяющего распоряжения умирающего, известна в польском языке, где она имела различное написание: *destament, destement, destamen, kastament* (Karł., ..., т. VII, с. 53). В таком же значении выступает слово *тестаментъ* (1) в МПРЛС и ЛС: „Такожь и большимъ людя̃мъ вольно будетъ намъ, отписывать *тестаменты*, то есть *духовными* своими по уложению вотчины и животы, “ (3, 42, 108).

Мы не располагаем данными об употреблении этого слова в памятниках письменности Московской Руси, но в словарях иностранных слов оно отмечается в значении „духовное завещание“ (Дубр., с. 460; Мих., с. 494). В словаре Толля находим слово *тестаментарій* – „исполнитель последней или предсмертной воли, душеприказчик“ (т. III, с. 654). Возможно, что в определенных кругах это слово было распространено. Отмечает его Гринченко в украинском языке (т. 2, с. 769).

Наличие слова *тестаментъ* в МПРЛС объясняется влиянием текста ЛС, где оно, надо полагать, получило распространение благодаря польскому языку, а может быть, и благодаря литовскому разговорному языку, в котором слово *testamentas* употребляется и в настоящее время⁷⁵.

Термин *духовная* (грамота), использованный в качестве пояснения, известен в памятниках письменности с XV в. (Срезн., т. I, с. 747). Более ранней формой является *душевная* – XIV в. Находим слово *духовная* у Даля (т. I, с. 504), в словарях современного русского языка оно отмечается как „устарелое“ (Ожегов, с. 156).

Титул – титул. Слово *титулъ* встретилось в переводе 2 раза и обозначает оно „почетное звание“, „достоинство“: „... что тое... Велико князство и всѣ земли, къ нему прилегле, въ славе, въ *титулахъ*, сирѣчь въ *титлахъ*,... ни въ чемъ убавливать и уменьшивать и понижать не будемъ, ... (3, 1, 74); „За тою печатью и подъ *титломъ* нашимъ позвы имѣють быть напечатаны, “ (4, 12, 128); „... такожде же *титулу* или *прозвища*, какъ онъ слыветъ и пишется, не написалъ;...“ (4, 19, 133).

Слово *титулъ*, по мнению Фасмера (т. IV, с. 62), является поздним, проникшим в русский язык из латинского (лат. *titulus* „надпись“) через польский (польск. *tituł*). А. И. Соболевский указывает это слово, как нередко встречающееся в Московских документах XVII в. Засвидетельствовано в ЛВН (л. 18 об.), в Лекс. Вейсмана 1731 г. (с. 630), в САР (т. 6, с. 714), в словарях иностранных слов (Дубр., с. 463; Мих., с. 496).

Лексема *титло* (2) является более древней. В значении „надпись“, „отдел“, „глава“ отмечается она в XI в. (Срезн., т. 3, с. 960). По мнению Фасмера (т. 4, с. 62), это слово заимствовано через ср.-греч. из латинского языка. С пояснением *титул* отмечается Кочиным (с. 360) со ссылкой на Памятники дипл. сношений Моск. государства с Польско-Литовским. Находим в Лексиконе Берынды 1627 г., у Поликарпова.

Слово *титло* в памятниках письменности XVII в. употреблялось чаще, о чем частично свидетельствует и наличие его в качестве пояснения в МПРЛС. Находим его у Котошихина: „... а землею его царь не владѣтъ, толко по его

⁷⁵ Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. V., 1954, с. 852.

послушеству Грузинскимъ пишется въ *титлѣ* къ христіанскимъ potentантомъ, “ (с. 22); „... *титла* того государя:...” (с. 40).

В XVIII в. встречаются оба слова: „(Александр Невскій) не *титлу* токо государственную, но и тяжесть государственныхъ дѣлъ со усердіемъ носиту тѣлся”⁷⁶; „Для сего чину... определенъ будетъ Офицеръ подъ *титломъ* Секретаря и Казначея Ордена”⁷⁷. Синонимичное употребление этихъ словъ в великорусскомъ языкѣ конца XVII — начала XVIII в. нашло отражение в словаре Даля (т. 4, с. 406): „*титло* или *титулъ* — „почетное званье, величанье, именованье по сану, достоинству” С течениемъ времени эти слова специализировались в своихъ значенияхъ. Слово *титло* в значении „дворянское званье” в современномъ русскомъ языкѣ воспринимается какъ „устарелое” (ССРЛЯ, т. 15, с. 475).

Школа — училище. Слово *школа* в значении „учебное заведение” в русскомъ языкѣ является сравнительно позднимъ. Первые сведения о немъ, по даннымъ Картотеки ДРС, находим в памятникахъ письменности с XVI в.⁷⁸ В XVII в. это слово встречается уже чаще, однако в словаряхъ оно отмечается или какъ польское, или сопровождается пояснениемъ *училище*: „*школа* — *училище*”⁷⁹. В САР (ч. 6, с. 1387) слово *школа* отмечается какъ греческое и переводится словомъ *училище*. С пояснениемъ встречается оно и в памятникахъ письменности XVII в. Так, в царской грамотѣ Могилеву 1654 г.: „А *школѣ*, сирѣчь, *училищемъ*, указали мы... быти въ Могилеве...”⁸⁰. В памятникахъ письменности второй половины XVII в. это слово находимъ уже безъ пояснения, напр., „...и монастырѣ и *школы* есть”⁸¹; „...велѣно ихъ отдать учитца въ *школу* въ новонѣмецкую слободу...”⁸²; „ученикомъ, которые учатся въ *школѣ* на Печатномъ дворѣ”; „Патриархъ ходилъ въ новопоставленные каменные *школы*”⁸³. Но, несмотря на это, есть основание полагать, что слово *школа* воспринималось еще какъ чужое и во второй половине XVII в. О неполномъ усвоении этого термина в XVII в. свидетельствуютъ и переводные памятники. Так, отмечается слово *школа* и сопровождается пояснениемъ в Космографии 1637 г.⁸⁴, в пяти переводахъ польской книги Симона Старовольского „Двор турецкого султана”, где трое переводчиковъ употребили слово *школа*, а двое заменили словомъ *училище*⁸⁵. Не составляетъ исключения в этомъ отношении и исследуемый памятникъ.

⁷⁶ Прокоповичъ Ф. Слова и речи, ч. 2. СПб., 1760, с. 12.

⁷⁷ Полное собрание законовъ Россійской имперіи, т. 5 (1713—1719), № 2860. СПб., 1828—1830.

⁷⁸ Письма кн. Курбского к разнымъ лицамъ (XVI, сп. XVII в.). — В сб.: РИБ, т. 31. СПб., 1914, с. 59; Памятники древнерусской письменности, относящиеся къ Смутному времени. — В сб.: РИБ, т. 13. СПб., 1892, с. 21; Римские деянія (Gesta Romanorum), в. 1—2. СПб., 1887—1888 (Изд. ГЛДП, V, XXXIII), сп. XVII в., с. 34.

⁷⁹ Алфавитъ иностранныхъ речей. Рукопись XVII в. БАН, Арх. д. № 446, с. 261.

⁸⁰ АИ, 1654, т. IV, с. 228.

⁸¹ Проскинтарій Арсенія Суханова 1649—1653 гг. Под ред. Н. Н. Ивановскаго. — Православный палестинскій сб., т. 17, в. 3. СПб., 1889, с. 22.

⁸² Материалы для истории медицины в Россіи, в. 2. СПб., 1883, с. 432 (1645—1675 гг.).

⁸³ Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Собр. и изд. под руководствомъ И. Забелина, ч. 1—2. СПб., 1884—1891 (XVII—XVIII вв.), с. 392—393.

⁸⁴ Черныхъ П. Я. Очеркъ русской исторической лексикологии. М., Изд. МГУ, 1956, с. 237.

⁸⁵ Иссерлинъ Е. М. Указ. соч., с. 62.

В МПРЛС лексема *школа* (4) употреблена только в значении „учебное заведение“ и соответствует словам ЛС *школа* и *колеумъ*. Напр.: „А которые вотчины... наданы на *школы*, снірѣчь на *училища*, и съ тѣхъ вотчинъ... дачныхъ не давать;...“ (2.9. 65–66); „...малые дѣти у матери своей не отходятъ... мушина до лѣтъ такихъ... какъ до *школы* давать угодно,...“ (5, 11, 220).

Однако следует заметить, что в ЛС слово *школа* употребляется не только в значении „учебное заведение“, но и в значении „молитвенный дом“, „синагога“⁸⁶. Последнее значение и не было передано переводчиком. Ср.:

Тежъ, если бы хто пришедши кгвалтовне на костель Божий яко-колвекъ набоженства христьянскаго, або тежъ на цвинтару, въ *школе*, або въ капланьскомъ, поповскомъ, казнодейскомъ дому кого забилъ або ранилъ, ... маеть быти каранъ, (ЛС, 11, 3, 389).

Естьли бы кто, пришедши насильствомъ въ церковь или въ костель какова ни будь богомолья христьянскаго, или на монастырь, или въ *школу*, то есть въ *училище*, или въ священнической домъ, и кого убилъ или ранилъ, ... имѣтъ быть каранъ, ... (МПРЛС, 11, 3, 301).

Приведенные примеры позволяют утверждать, что переводчик, введя слово *школа* по аналогии с ЛС, не учел различия в значении этого слова в русском и белорусском языках изучаемого периода. В старобелорусском языке, как и в украинском, слово *школа* могло обозначать „синагога“, „еврейская молельня“ (Гринченко, с. 1012). Любопытно, что в „Материалах“ Срезневского (т. 3, с. 1587) засвидетельствовано слово *школа* в значении „училище“, но приведенные примеры из Жал. гр. 1388 г., по нашему мнению, не отражают этого значения. Ср.: „Тежъ естли бы хто какъ на *школу* Жидовскую металл, тотъ маеть старостьъ нашему заплатити два фунты перцу“; „А маеть присягати передъ *школой* у дверей“ Следовательно, слово *школа* в русском языке в отличие от старобелорусского и староукраинского языков имело только одно значение – „учебное заведение“

Наличие пояснения *училище* к слову *школа* говорит о необычности последнего в русском языке исследуемого периода. О том, что слово *школа* было малонизвестным в русском языке периода создания МПРЛС, отчасти свидетельствует и тот факт, что в рукописи МПРЛС оно имеет написание *шкалам* вм. *школамъ* (62 об., строка 13) и *шкальныхъ* вм. *школьныхъ* (там же, строка 10).

По происхождению слово *школа* греческое (*scholḗ*), прошедшее через латино-польское посредство (ср. лат. *schola*) и получившее в польском языке своеобразное звуковое оформление (польск. *szkola*, ср. чешск. *škola*). В русском языке оно закрепилось в западнославянской огласовке (См. Фасмер, т. 4, с. 449).

Введенный переводчиком лексический вариант *училище* (2) вполне передает значение слова *школа*. В памятниках письменности слово *училище* отмечается с XV в. (Срезн., т. 3, с. 1336). Оно могло обозначать разного рода учебные заведения. Поэтому слово *школа*, полностью вошедшее в русский язык в конце XVII в., оказывается синонимом к бытовавшему в русском язы-

⁸⁶ См. об этом: Судавичене Л. К истории слова *школа*..., с. 78–79.

ке с XV в. слову *училище*. Эта синонимичность в общем значении „учебное заведение“ сохранилось и в современном русском языке (ср. *высшая школа* и *высшее военно-техническое училище, школа фабрично-заводского обучения и ремесленное училище*). В значении „училище“ отмечается слово *школа* и в словарях иностранных слов (Дубр., с. 512; Мих., с. 541). Следовательно оба эти слова воспринимались переводчиком как лексические варианты.

Елекция – обиранье. Слова *елекция* и *обиранье* в МПРЛС употреблены в том же значении и фонетическом оформлении, в каком выступают они в ЛС. Обозначают они „выборы“, „избрание“.

Слово *елекция* в МПРЛС встретилось 1 раз и сопровождается пояснением, заимствованным из ЛС: „Также обещаемя: на *елекцию*, сирѣчь на *обиранье* нового короля едучи... насильства никакова людемъ... чинить не будемъ...“ (3, 3, 78).

В польском языке слово *елекція* (из лат. *electio*) обозначает также „избрание“, „выборы“ (Karł., ..., т. I, с. 687). Очевидно, что в ЛС оно появилось под влиянием польского языка, что сказалось и на МПРЛС.

Первые сведения об этом слове мы находим в ЛВН: „*Елекция – избраніе*“; в Письмах и бумагах Петра I (Смирнов, с. 348); в „Ведомостях“: „Говорять, что *елекцыя* ѿ сročена, ...“⁸⁷. В Картоотеке ДРС имеются примеры с этим словом со ссылкой на письма и бумаги Петра I. Отмечается оно в словаре иностранных слов: *елекция* – „избрание“, „выбор“ (Дубр., с. 522), у Толля (т. 3, с. 1101). Однако слово это не было усвоено русским языком и не вошло в его лексическую систему. Наличие его в письменности петровской эпохи, по всей вероятности, объясняется модой на иностранные слова или же стремлением ограничить рамки церковно-славянского языка. Имело распространение это слово и в южнорусской письменности: „На счастливой своей *Елекции*“⁸⁸.

Слово *обиранье* (3) датируется 1613 г. (Срезн., т. 2, с. 509). Даль (т. 2, с. 584) отмечает его как „старое, южное“

Кроме рассмотренных слов, которые в дальнейшем развитии русского языка вошли в его лексическую систему, в МПРЛС имеется немало слов, которые имели лишь временное распространение в русском языке – они могли вводиться под влиянием моды⁸⁹ (и были излишними, так как в русском языке для обозначения определенных понятий имелись свои наименования) или, как в нашем случае, под влиянием текста, который служил источником для перевода. К ним относятся следующие пары: *еспектатива – лист* (здаточный); *мембран* (мамрам) – *лист* (голый); *шкрутшум – обыск*⁹⁰.

Анализ рассмотренных терминов позволил в какой-то степени проследить те этапы, через которые проходило слово по пути усвоения его литературным языком. Разумеется, наличие иноязычных слов в МПРЛС и сравни-

⁸⁷ Ведомости времени Петра Великого, вып. 1 (1703–1707 гг.). М., 1903.

⁸⁸ Огненко И. Указ. соч., с. 369.

⁸⁹ См.: Иссерлин Е. М. Иноязычная лексика и ее место в словарном составе современного русского языка. – В кн.: Уч. пособ. для студентов редакторского факультета. М., 1965, с. 11.

⁹⁰ См.: Судавичене Л. К вопросу о словах..., т. X. Вильнюс, 1964.

тельно ограниченное количество сведений, которыми мы располагаем относительно их употребления в памятниках письменности, не позволяет еще говорить о их распространенности (или прочном закреплении) в словарном составе русского языка изучаемого периода. Однако введение их в текст перевода позволяет судить о моменте появления их в языке, а сопровождение адекватным пояснением дает возможность полагать, что слова эти были уже известны, но не были еще общепонятны (т.е. не были еще усвоены лексической системой русского языка). Отсюда стремление переводчика — подобрать максимально точные аналоги (тождесловы) из социальной терминологии Московского государства.

Лексические варианты, использованные переводчиком в качестве пояснений, в целом удачны. Они свидетельствуют о попытке раздвинуть семантические границы русского слова. Однако совпадая в своем общем значении с заимствованными словами, они расходились с ними в специальных оттенках, в круге своего употребления (т.е. смысловое наполнение русских и заимствованных слов было различным). „Иноязычные слова оказывались более склонными к терминологизации, к сужению их смысла“⁹¹. „Сфера их семантического наполнения и их семантической употребительности становилась, как правило, иной, чем у самых близких к ним русских синонимов“⁹².

Различна судьба изученных слов в истории русского литературного языка. Одни слова как *инструкция*, *конституция*, *титул*, *школа* прочно закрепились в лексической системе русского языка; другие, как *маестат*, *крупилей*, *тестамент* имели временное распространение в русском языке; они не вошли в лексическую систему русского языка.

Наличие производных слов *арендованный*, *ревизорский*, оформленных русскими словообразовательными элементами от иноязычных основ, свидетельствует о прочном усвоении этих лексем русским литературным языком.

СОКРАЩЕНИЯ

АИ	— Акты исторические. Собр. и изд. Археогр. Комиссией. Т. I—V (XIV—XVII вв.). СПб., 1841—1842.
БАН	— Библиотека АН СССР (Ленинград).
Берында	— Берында Памва. Лексикон славеноросский и имен толкование. Киев, 1627.
Brückner	— Brückner Aleksander. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия. Т. 1—51. М., 1949—1958 (второе издание).
Вейсман	— Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб., 1731.
Гринченко	— Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Т. 1—2. Берлин, 1924.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. Комиссией. Т. I—XII. СПб., 1846—1875.
Даль	— Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV (Изд. 2-е. СПб.—М., 1880—1882). М., 1955.
Дубр.	— Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием корней М., 1891 (Изд. 12-е).

⁹¹ Сорокин Ю. С. Указ. соч., с. 177.

⁹² Там же.

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Karl., — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. I—VIII. Warszawa, 1900—1935.
- ДРС — Картоотека Древнерусского словаря XI—XVII в. (Ин-т русск. яз. АН СССР, М.).
- Котошихин — О России в царствование Алексея Михайловича. Соч. Гр. Котошихина. Изд. 2-е. СПб., 1859.
- Кочин — Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- ЛВН — Лексикон вокабулам новым. — Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — «Сб. ОРЯС», 1910, т. 88, № 2.
- Linde — Słownik języka polskiego M. Samuela Bogumiła Linde. T. 1—4. Lwów, 1854—1860.
- Мих. — Михельсон А. Д. Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русск. яз., с объяснением их корней. Т. I—II. М., 1877.
- Носович — Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских.
- Поликарпов — Лексикон трехязычный, сиречь Речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собр. и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
- Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1958.
- РИБ — Русская историческая библиотека. Изд. Археогр. Комиссией. Т. 1—39. СПб.—Пг.—Л., 1872—1927.
- РФВ — Русский филологический вестник. Т. 1—73. Варшава, 1879—1915.
- САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1—6. СПб., 1806—1822.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. Коллегии иностр. дел. Ч. I—V. М., 1813—1894.
- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского яз., сост. 2 отд. Академии Наук. Т. I—IV. СПб., 1847.
- Смирнов — Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — «Сб. ОРЯС», 1910, т. 88, № 2.
- Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903. (Репродуцированное издание 1958 г.)
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948—1965.
- Толль — Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Составл. под ред. Ф. Толля (т. III) и под ред. Р. В. Зотова (т. I—III). СПб., 1863—1864.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Т. I—IV. Под ред. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—III. Перевод с нем. О. Н. Трубачева. М., 1964—1971.
- Vasm. — Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1950—1958.
- Христиани — Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906.
- Яновский — Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I—III. СПб., 1803—1806.

EINIGE LEXIKALISCHE BESONDERHEITEN DER MOSKAUER ÜBERSETZUNG DER REDAKTION DES LITAUISCHEN STATUTS

L. SUDAVTTSCHENE

Zusammenfassung

Die Analyse der behandelten lateinisch-polnischen Termine ließ in einem gewissen Maße den Weg verfolgen, den das Wort bei seiner Aneignung durch Literatursprache zurückgelegt hat. Es ist selbstverständlich, daß das Vorhandensein der Fremdwörter in der MPRLS und eine verhältnismäßig begrenzte Anzahl der Kenntnisse, über die wir in ihrem Gebrauch in den Schriftendokumenten verfügen, erlaubt uns noch nicht, von ihrer Verbreitung im Wortschatz der russischen Sprache der untersuchten Periode zu sprechen. Der Gebrauch dieser Wörter im Text der Übersetzung zeugt jedoch von ihrem Vorhandensein in der Sprache, und ihre adäquate Erklärung gibt die Möglichkeit anzunehmen, daß diese Wörter schon bekannt waren, obwohl noch nicht allgemeinverständlich. Daraus ergibt sich das Bemühen des Übersetzers, maximal genaue Entsprechungen aus der sozialen Terminologie des Moskauer Staates auszuwählen. Die lexikalischen Varianten, die vom Übersetzer als Erläuterungen gebraucht wurden, sind im großen und ganzen erfolgreich. Sie zeugen von dem Versuch, semantische Grenzen des russischen Wortes auszudehnen. Obwohl diese Varianten in ihrer allgemeinen Bedeutung mit der der Lehnwörter zusammenfallen, unterscheiden sie sich im Bereich ihres Gebrauchs von den letzteren in ihren spezifischen Schattierungen. Die Fremdwörter haben eine Neigung, leichter zu Termini zu werden, zu ihrer Bedeutungsverengung. Der Bereich des semantischen Anfüllens und des Gebrauchs von diesen Wörtern wurde in der Regel anders als der ihnen nahe stehender russischer Synonyme. Das Schicksal der untersuchten Wörter in der Geschichte der russischen Literatursprache ist verschieden. Manche Wörter wie „Instruktion“, „Konstitution“, „Titel“, „Schule“ haben sich fest im lexikalischen System der russischen Sprache eingebürgert, die anderen Wörter wie „Maestat“, „Privilei“, „Testament“ hatten eine zeitweilige Verbreitung. Sie gingen in das lexikalische System der russischen Sprache nicht ein.